

Нет никого лучше тебя

пять петербургских
ПОЭТОВ О ЛЮБВИ

Коллектив авторов

Инна Моисеева

Нет никого лучше тебя. Пять петербургских поэтов о любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43290879

Нет никого лучше тебя: Пять петербургских поэтов о любви: Группа

Компаний «РИПОЛ классик»; Москва; 2019

ISBN 978-5-386-12371-0

Аннотация

В сборник вошли произведения петербургских поэтов – Ипполита Матвеева, Дениса Веселова, Петра Клёнова, Ивана Васильева и Германа Красовского.

Всех авторов объединяет не только принадлежность к петербургской поэтической школе, но и восхищение перед щемящей красотой мира, таинственностью природы и непостижимостью Женщины. В поисках своих идеалов они отправляются в путешествие по истории и культуре человечества, встречая на пути то римских, то греческих богов, то французских, то немецких писателей, художников и других поэтов, скрытые цитаты из которых разбросаны по книге, как бриллианты по небесному своду. Эрос и Танатос ходят рядом, взявшись за руки. Любовь земная переходит в небесную, а небесная становится

земной. Тайна жизни и смерти бьется как пульс в этих строчках,
рождая эхо бывших и будущих чувств.

Содержание

Ипполит Матвеев	7
«...и в какой-нибудь дикой щели»	7
«Тихой ночью я на кухне...»	8
Жук	9
«я так один бродил бы и бродил...»	13
«как бледный-бледный отрок...»	14
«Слово „однажды“ и рифма „нет“...»	15
«Погасли свечи...»	16
«Ночью творог в мокрой тряпке...»	17
«Как если б это не случилось...»	18
«А вот еще... если?...»	19
«куда любовь девается, когда...»	20
Стерх	21
«На город падает стремительно рассвет...»	23
«Поэзия пишется так...»	24
Поэма конца	25
«Вчера закончилось...»	29
«Во сне за облаком...»	30
«я должен кого-то любить...»	31
«Если завтра рак или гангрена...»	32
«Мне так печально в этот вечер...»	33
«еще одна неделя...»	34
«Ко всему привыкаешь в тарелке	35

трамвайной...»	
«ни читать, ни писать...»	36
Томление	37
Поэма конца – 2	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Нет никого лучше тебя Пять петербургских ПОЭТОВ О ЛЮБВИ

© Веселов Д. Е. 2019.

© Оформление. ООО Группа компаний «РИПОЛ классик», 2019

Составление Инны Моисеевой

Ипполит Матвеев

«...и в какой-нибудь дикой щели»

...и в какой-нибудь дикой щели,
где висит, задыхаясь, звук,
ты мне скажешь на самом деле,
сколько я еще проживу.

белый-белый навстречу ветер,
это мартовская канитель,
это солнце идет в берете
и без спроса заходит в дверь.

«Тихой ночью я на кухне...»

Тихой ночью я на кухне
с книгою один,
вдруг далекий гром как ухнет
там, из-за гардин.
налетит вдруг сильный ветер,
заструится мгла,
будто я один на свете,
мама умерла.

Жук

Часть первая

Я сам себе напоминаю
Жука, ползущего по глиняной табличке,
Где буквы быть должны – остались ямки.
Ямки под лапками – как будто бы ступени
К тому, что не имеет имени
И, кажется, что не имеет смысла.
Но смысл должен быть!
Хоть и язык забыт, и буквы стерлись,
А переводчик последний умер,
Не оставив по себе ученика.
Я знаю – смысл есть!
В противном случае что жук, что и не жук...
Мы двое...

.....
.....
.....
.....

Харон один свой белый парус правит
И до захода борется с волной,

Одной, другой, разводит костерок,
Но к берегу покамест не спешит.

Часть вторая

Так мало нам отпущено пространства
Для встречи.

Только разговоры рук
Да голосов визгливые картечи
В кафе свиданий и разлук.

Что есть еще у нас в запасе,
Кроме двух капелек на дне?
Высокий дом на Розенштрассе
С плющом и башней, как во сне.
Но я же не был там, откуда

Я знаю тот высокий дом?
Что там в шкафах стоит посуда
С двуглавым выбитым орлом.

.....
.....
.....
.....

.....
.....
.....
.....

Свет погасили.

Часть третья

«Вот и все» – так, кажется, сказали.
Вот и все картинки наши биты.
Но мы им не верим. В этом зале
Есть еще, что выпить, и для свиты.

Господам неведомы услады
Тех, кого они в своей гордыне
Прозывают слугами и чернью.

.....
.....
.....
.....

Я есть то, что на потребу свету
Ты достань из белой плащаницы.
Нет другого. Я уйду до света.

И за мной засветят свет зарницы.

Я уйду, но это после.

Послезавтра нам придет счет стража,

А пока... пока играйте, скрипки,

И пляшите, юноши, на поле.

Часть четвертая

Тишина. Покой нам только снится.

Я сижу один, как грустный бэби.

На ладони спит журавль, а синица

Пятый круг наматывает в небе.

«я так один бродил бы и бродил...»

я так один бродил бы и бродил
по городу, засунутому в дождь,
как бы гигантский нильский крокодил,
без зонтика, без трубки, без калош.

я весь предпочитаю быть иным,
не тем вы замечаете меня,
я в белом черный одинокий мим,
просящий бога на закате дня.

кому ты нужен сумрачный такой?

«как бледный-бледный отрок...»

как бледный-бледный отрок,
день смущен,
день выпал из ладоней, застыдился,
зашторился дождем,
но был прощен,
и день все шел,
а дождь все лился.

«Слово „однажды“ и рифма „нет“...»

Слово «однажды» и рифма «нет»,
Пепел из жажды писем сонет
Мастерит с временем вкупе.
Твой след – в луке
Пальцев заломленных
Просится в губы,
Бусинки глаз повязав ожерельем строки...

Хохот из кип фотографий
Ушедших женщин,
Голод по карме своей...

Это ты запахнула полой,
Полом своим

.....

Мой Нерукотворный спас.

«Погасли свечи...»

Погасли свечи,
Свет луна все льет
На сонные деревья,
И то ли встал ты ото сна,
То ль сон тебе все так же внемлет.

Такой спасительный покой
Мне подарила ветка клена,
Что я забыл, кто я такой,
Такой губительно влюбленный.

«Ночью творог в мокрой тряпке...»

Ночью творог в мокрой тряпке
Начинает жить как творог.
Кто-то робкий ставит цапки —
Запирает дом от вора.

Кто-то быстрый и летучий,
Может, это мышь была?
До зари метался в тучах,
И поземка помела...

Мир закутанный таится,
Заяц мордой лижет снег,
И ужасный шевелится
За кустами человек...

«Как если б это не случилось...»

Как если б это не случилось,
Что я писал бы, на краю
Каких небес душа носилась
Моя бы, пел ли, как пою?

И тем ли голосом, который
Из всех возможных голосов
Один способен плыть над хором
Пусть даже белых парусов?

«куда любовь деваается, когда...»

куда любовь деваается, когда
ее не видишь?

где то место

во мне,

которое ее должно хранить?

и как держаться в ней,

когда она проходит?

Стерх

На всех кредитных картах скоро ночь,
В кармане дырка светится от бублика,
Даже любовь не в силах мне помочь,
Истерзана, замучена, обуглена.

Даже любовь весеннего ручья,
Даже любовь кедрового орешка.
Стоит, как меч, повсюду жизнь ничья,
А я по ней иду в ферзи, как пешка.

Тяжелым боем прорываюсь вверх,
Вперед и ввысь к соленым звездам ночи.
Я так устал, но я лечу, как стерх,
Без усталости, без сил и полномочий.

Уполномочен ночью на полет,
Веселым днем я отсыпался в чаше,
Закрыв глаза, я видел, как идет
Течение жизни злой и настоящей.

Я видел трав росистое вранье,
Я видел елей смоляное пенье,
Сжимали когти ветви, как цевье,
Сжимали мысли мозг в стихотворенье.

Я был, как творог в тряпке, заключен
В сосуд скудельный тела моего,
Я вызревал весь день, я рос, как он,
Зерно к зерну – и все до одного.

Потом случился вечер и полет,
Ночная мгла мои глаза включила,
И чудная неведомая сила
Меня с ветвей в полет приподняла.

Я полетел, давясь своей свободой,
Клюв прочищая, падая, крича...

«На город падает стремительно рассвет...»

На город падает стремительно рассвет,
и лист, как тот больной, посередине,
с прожилкой красной, бьется на окне,
запутавшись в осенней паутине.

Мне некого сегодня повстречать —
оконных рам натянутые луки
да стрелы веток – ветер рвет из луки
и продолжает остывать.

О, хоть бы девушка живая,

пространство

газетный лист несется, как разносчик...
на контуры наложена печать.

«Поэзия пишется так...»

Поэзия пишется так —
Ты видишь таинственный знак,
Ты чувствуешь пенье в груди,
Замри и чуть-чуть подожди!
И, может, из разных слов
Составится чудный текст.
И, может, из разных слов
Составится чудный текст.

Поэма конца

Ни читать, ни писать,
Одинокое «гу-гу» тачать
В полуночном глазу, как слезу.
Ни писать, ни читать про грозу
Или слово в начале
Ума от ушедшего мая.
Я и вправду не знаю!
Я и вправду на ложь навираю,
А правду – на лошадь – ив лес!
Лес... Какая-то бездна в обрез от небес!

Как палит! Дым столбом!
Дом сегодня стоял надо лбом
Горсоветом, притиркой, протянутой словно
сквозняк одиночкой.

Я родился когда-то комочком
Из папино-маминой слизи
И стал между небом с тех пор, как багор,
Стал комочком у горла

.....

И октавой я стал, солитоном,
Вратарем очень нежных созвучий,
Влюбленным в травучий, мяучий... измучил!
И нянчились до-о-лго со мной

Три сестры окупжавкино-чехово шавких.
Я родился на травке,
Как мама моя, под кустом, я, наверное, сном
очарован
Из кустов, вечеров и любовь.

Так и жил, не тужил,
Я с подзорной трубою дружил,
Все на девочек пялился, как
Они вечером в светлые окна снимали чулок,
Лифчик тоже снимали
И вешали все на зубок.
Было видно в окно мне —
На брови садились и пели.

Я, ходивший на белок, сурков и качели,
Им играл две турнели, потом ритурнели
На старой скрипучей свирели,
Я, наверное, Пан был,
Который пропал в колыбели.
Просто сгинул еще до рождения первых богов,
Я, наверное, кровь тех, которые возле меня
Оловянным заходятся строем.
Мы сейчас им смотрины устроим:
Смотрите, смотрите, жираф!

.....

.....

.....

.....

Так, синица в руке и журавль в руке,
Так шагаю один на один налегке
Наобум —
Во-о-н он светится там, у дороги,
Свесил ноги с нее, он калека убогий,
Один, понимаешь, у Бога, такой вот безногий,
Как я. Я – не я, что еще?

– Так бы раньше, давно бы, зачем начинается
дождь?

Где ты был, вдохновенный флейтист,
Что ты видел в краю том, ответствуй?

– Видел новую землю и видел людей без лица,
С ними было подобье Отца поднебесной.

– Что ты видел еще под крылом?

– Видел лодку вверх дном, видел дом мой опять,
Двадцать пять тоже видел.

– Тебя там обидел

Кто-нибудь?

– Ни будь дом мой не дом, лодка – лодкой,

А синее море – лангустой,

Я бы ласты купил,

Я бы плыл в них по морю, пока было сил,

Я бы Бога просил о защите и вере,

Я бы в Бога поверил, пока он еще не пришел.

Как придет – унесет мою душу

И двери прикроет,

Прикроет и море, и сушу,
Из них придыханье устроит...

– А после?

– А после мы веслами били,
Все били мы воду, как всходы,
Как годы за годом мы пили
Отвары из синей железной травы,
Видишь, там, вон, растет, подалеку,
– Что же проку? Стучи – не стучи,
Одинокую вахту учи!

Пока это весло загорает в руке,
Пока эхо везло нас с тобой на руке,
Пока спят барсуки в своих норах из дерна,
Я сосна, и со сна я выдергивал корни.
Я выдергивал корни из десен румяных,
Я шесть весен провел в тех же трех капитанах,
Где и ты был, дружок, где и ты пил рожок,
И когда захлебнулся он звуком, умолк ты.

Вот и сказке конец, я иду под венец,
И венец мой, мой крестный, Сизиф мой, отец.

«Вчера закончилось...»

Вчера закончилось,
Я вынырнул наружу.
А тут весенний дождь и шум машин.
Перешагнул одну, другую лужу
И будто бы не жил.
Все время что-то делал. Суета.
А ветер дует так же там на пляже,
И сосны те же, только выше, скажешь,
И дети выше, и такая красота...

«Во сне за облаком...»

Во сне за облаком
И на крыльце за снегом
Фонарь роняет дрожь,
Все неподвижно.
Ты один живешь.
И тихо.
Ветки вдалеке темны.
Вдруг голоса – пустое.
И снова голоса внутри,
Величие простое.
Не говори.
Не жди, не бойся.
Не проси остаться
с тобой.
Не будет так, как хочешь.
Ведь дело не в телах.
Они слабы от века.
Дело выше.
В законе нефизическом, таком
Законе, который просто соблюдаешь сам.
Нипочему. Ни потому. А так.

«Я должен кого-то любить...»

я должен кого-то любить,
я без любви не могу
ничего, даже малости, даже ручья.
ни слезинки, ни вдоха.
только порох мгновений
струится, как дым,
наша бедная духом эпоха —
вроде чертополоха под ним.

ни читать, ни писать,
только выжать строку из ручья,
вот создать бы ручей,
я бы горя не знал на его берегу,
а теперь я ничей,
все время куда-то бегу,
все стремлюсь и пытаюсь,
и нет мне покоя и воли...

«Если завтра рак или гангрена...»

Если завтра рак или гангрена,
Все останется, как было, в мире этом:
Все полотна, что живут нетленно,
Все поэты в прошлом или где-то.
Все стихи, что блоки написали,
Кузнецовские сухие степи,
Кони рыцарские в эрмитажном зале
И внезапно выросшие дети.

Только нас не будет под луною...
Совершив свой путь крестообразно,
Мы сольемся с бурною рекою
Или с приглашением на казни...

Мы проскачем по полям незримо,
Белых туч коснемся так легко мы,
Будто стали словно херувимы,
Словно с самим Боженькой знакомы...

«Мне так печально в этот вечер...»

Мне так печально в этот вечер
И одиноко под дождем...
Один футбол – но он не лечит,
Нет никакого толка в нем.

А ты... ты так недостижима,
Ты так надежно далека,
Как напряженная пружина
Внутри взведенного курка.

Ты так, как звезды надо мною,
Ты как далекий темный лес,
Что так тоскливо воет-воет
Про то, что я остался без...

Я без... Я за! Я за! Но только
Один лишь лес вдали шумит,
Как будто в нем княгиня Ольга
За мужа мстит, и мстит, и мстит...

«еще одна неделя...»

еще одна неделя
прошла и больше нету
ни лета не летели
пушинки с парашюта

нигде мне не приснится
родимый чудный город
сверкает на реснице
сверкает скоро сорок

сверкает как рубином
сверкает не прольется
встречает рано утром
и нет не улыбнется

нисколько не осудит
нисколько ни пригреет
лишь косточки на блюде
и темный шум аллеи

«Ко всему привыкаешь в тарелке трамвайной...»

Ко всему привыкаешь в тарелке трамвайной,
Переменчивый ветер проведет по плечу
И уносится прочь, как незримый, случайный
Поцелуй невзначай, налету, навесу.

Здесь сечение дней так похоже на осень,
Здесь всегда сорок лет, и туман, и туман
В поле тает так медленно, словно бы просит
Просит, тает и тает, как белый туман.

«НИ ЧИТАТЬ, НИ ПИСАТЬ...»

ни читать, ни писать —
это вновь подступает ко мне
это вновь начинается тихий прилив бытия
ты когда-то шептала мне, да, я навеки твоя
но «навек» так долго не может
жить только в одном человеке
навек нельзя
можно на год, скорее, на месяц, на час
можно по-всякому
как же унять эту боль?
не глаголь мою душу, прошу тебя
больше ее не глаголь!
Она только проснулась, она как цветок —
распустилась и дышит вином и хлебом
а я не давал ей свободы и ветра, любви не давал
прорасти...

Томление

Незримо был он сердцу мил,
Сидел в ряду своем далеком.
Из-под ресниц
Что было сил
Сверкает взгляд —
И бьет, как током.
Пронзает театральну мглу,
Пронзает сердце мне клиночно.
Я грежу, я сейчас умру!
Реально здесь, сейчас, воочью.
Кто звал его в этот партер?
Какая сила роковая
Такого дьявола из недр
Достала, недра раздвигая?

Зачем пришел он в этот час?
Зачем смутил покой и волю?
Как будто снова трубный глас
Раздался в небе надо мною.
И в свете утренней звезды,
И в свете спальни с ночниками
Теперь лишь демона черты
Мерещатся в оконной раме.

Поэма конца – 2

В тишине, как во сне.
Дерева говорят под ветром.
Гладь воды, лик луны,
Я родился не диким ведрем
В чаще темной, в глухом лесу,
Но, как видно, клыки несусь.

Я родился мальчиком белым,
Как батон слюдяного хлеба,
И полвека все что-то делал —
Из поленьшка в человека.

Из-под ледной холодной толщи —
Окуней и ершей и даже —
Леонардо в Краковской Польше —
Горностаевые плюмажи.

Деревянные ручки-ножки,
На холстине сверчок и лик твой,
Не какой-нибудь Матки Бозки,
Драгоценной и ясноликой,

А туманной, как мост Редона,
Модильяни, как деревянной,
Как Ван Гога, Лаокоона,

На оконце за свечкой странной.
Как в гуцульском краю, где сосны
Между гор вереницей троллей,
Я встречал тебя очень взрослой,
Полной очень нездешней боли.
И она в меня жизнь вдохнула,
Полетела, перевернула...
И с тех пор человечек ходит,
Словно Голем в огромном граде.

Мы с тобой в этом граде были,
Словно ангелы золотые,
Словно капли межзвездной пыли,
Молодые и золотые.

Сквозь окошко ту песню спой мне,
Той дорожкой железной двинься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.